

ПРИШЕДШЕМУ-

КРЕСТ

Игорь Корольков

Библиотека классической и современной прозы

Игорь Корольков
Пришедшему – крест

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Корольков И.

Пришедшему – крест / И. Корольков — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2020 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907254-93-0

Люди возносят молитвы в надежде, что Господь пришлет Спасителя и тот избавит мир от зла. Но что произойдет, если он на самом деле окажется среди нас? Наступит ли Царствие небесное? Тем более, если явится он не в белых одеждах, а в стоптанных кроссовках и порванной куртке...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907254-93-0

© Корольков И., 2020
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2020

Содержание

Об авторе	6
Тайна протоиерея Ионафана	7
Странный нищий	10
Целитель	19
...и имя его будет другим	23
Протоиерей Ионафан озадачен	25
Ключарь омывает ноги нищему	28
Патриарх недоволен	33
Жареный кролик в вине по-мальтийски	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Игорь Корольков
Пришедшему – крест
Роман

*«Лживое лицо скроет все, что задумало коварное сердце»
Уильям Шекспир, «Макбет»*

Об авторе

Корольков Игорь Викторович родился в 1951 году в Украине. Служил в армии. Окончил Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко. Работал в районной и многотиражной печати. Был собственным корреспондентом газеты «Гудок» на БАМе, собкором «Комсомольской правды» в Волгограде. В «Известиях» возглавлял отдел журналистских исследований. Этому непростому жанру посвятил более тридцати лет. Лауреат премии Союза журналистов России и Академии свободной прессы.

«Пришедшему – крест» – первый литературный труд известного журналиста.

Тайна протоиерея Ионафана

Солнечный луч упал на стопку чистой бумаги. Шариковая ручка зависла над белым полем, замерла, словно собиралась с силами, и, наконец, побежала, оставляя за собой круглые, ровные литеры.

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Митрополиту Нижегородскому и Арзамасскому Милентию», – в правом верхнем углу вывел протоиерей Ионафан. Затем ручка переместилась в центр листа.

«Дорогой Владыка,

Извините, что пользуюсь столь древним способом излагать мысли: компьютер освоил, однако печатаю на нем только официальные бумаги. Разговор же с Вами предполагает иные чувства, иные мысли.

Хочу доверить тайну, носить которую один более не в силах. Доверяю ее именно Вам потому, что мы давно знаем друг друга, потому, что отношусь к Вам с симпатией и любовью как к человеку честному и чистому душой. Содержание письма в том числе заставляет меня прибегнуть к уходящему в Лету способу общения. Не уверен, что мой компьютер не контролируется спецслужбами и что мою почту не читают многочисленные доносчики патриарха. Поэтому прошу: если сочтете возможным ответить на это письмо, пишите на адрес моей сестры, который Вам хорошо известен.

Итак, о тайне.

Я люблю по утрам обходить собор. В эту пору в храме никого нет, только двигаются тени свечниц. Завидев меня, они приветствуют поклоном и крестятся. Я отвечаю им тем же. Скажу откровенно, мне приятно их почтение, именно это почтение рождает во мне ощущение, что я близок к чем-то непостижимому, о чем все говорят, но мало что понимают.

Всем иконам в нашем храме предпочитаю икону Христа, вставленную в мраморную нишу у алтаря. От нее исходит какая-то непреодолимая сила, противиться которой, как мне кажется, невозможно. В полных мудрости и печали глазах Спасителя можно угадать не только трагическое будущее самого Христа, но и будущее мира – несовершенного, тревожного, запутавшегося. Каждое утро я останавливаюсь у этой иконы и читаю Символ Православной веры. Не откажу себе в удовольствии прочесть его в письме к Вам, Преосвященнейший Владыка, тем более, что именно после прочтения символа в очередной раз и случилось со мной то, о чем собираюсь поведать.

Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Изже от Отца рожденного прежде всех век: Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечивша. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшего в третий день по Писанием. И возшедшего на небеса, и сидяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Изже от Отца исходящаго, Изже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима,

глаголавшаго пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.

Я читал, едва шевеля губами, прикрыв глаза. Как обычно, в такие минуты всегда представлял одну и ту же картину: изнывающее от боли и стыда тело Учителя. Иногда я видел все так отчетливо, что, казалось, кровь, брызнувшая из ладони Христа, когда в нее вколачивали гвоздь, попала на меня. В тот раз все оказалось настолько явственно, что я увидел: на кончике носа солдата, старательно вбивавшего гвоздь, висела капля пота. Она сорвалась, упала на плечо Иисуса. От солдата пахло давно немывтым телом. Но в следующую минуту я подумал, что это, скорее, запах Христова тела. Ведь оно давно не знало воды. Слипшиеся волосы на голове, мокрые от пота, висели, будто издохшие пиявки. Солдат прижал к перекладине вторую руку несчастного и несколькими ударами вогнал в ладонь граненый гвоздь. От крика, исторгнутого из впалой груди, мое тело покрылось мурашками. Видимо, боль была такой сильной, а тело изможденным, что страдалец обмочился.

Простите меня за такую подробность, но я с недоверием смотрю на иконы, где Иисус изображен висящим на кресте в набедренной повязке. Это историческая неправда! Иисус висел на кресте обнаженным! Такой была задумана в ту пору казнь: чтобы было не только больно, но и стыдно. История Христа, лишенная этой жестокой, неэтичной подробности, лишает нас верного восприятия всего того ужаса, который претерпел Сын Божий. Стыдливо надев на Христа повязку, мы смягчили драму, ослабили нравственные страдания, которые претерпел Иисус, выставленный на всеобщее поругание в виде, в котором его, как и всех нас, создал Господь. Я же видел все как было!

Моча попала на солдата. Солдат вскочил, ударил распятого ногой, смачно плюнул тому между ног и, грязно выругавшись, преодолевая брезгливость, привязал к бревну ноги Христа. Стоявшие рядом солдаты рассмеялись. Они подняли крест, вставили в выкопанную яму и закидали ее камнями.

Я был так близко от креста, что мне показалось, солдаты схватят меня. Однако они прошли мимо. Я приблизился к несчастному, осторожно коснулся немывтых ног. Обратил внимание на изуродованный ноготь на левой ноге: черный, растущий вбок, он, видимо, был поврежден еще в детстве. Иисус посмотрел на меня. Мы смотрели друг на друга по-разному: я с состраданием и страхом, он – со спокойствием обреченного. Губы Иисуса шевельнулись, я едва расслышал: „Прощай, ключарь... Я приду...“

Не могу объяснить, на самом ли деле я переносился во времени на Голгофу, или это было только мое воображение – пылкое, воспаленное, порожденное неистовой верой? Я смотрел на икону, перед которой стоял, и находил, что Иисус мало похож на того несчастного, которого я видел на горе казней. Но в ней был точно передан взгляд человека, которому предстояло уйти в Вечность. Этот взгляд преследует меня – долгий, всепонимающий, бесконечно печальный. Мне кажется, печаль эта лишь отчасти имеет отношение к его страданиям на кресте. Она глубже, вселенней...

Я огляделся вокруг. Храм блистал красотой, роскошью и величием. Мне вдруг представился посреди гулкого зала, на мраморном полу босой

Христос, и я ужаснулся от мысли, что должен был бы подумать этот бедный проповедник, оказавшись в бесстыже богатом храме, воздвигнутом в его честь.

„...когда придет день суда, не спросится у нас, что читали мы, а спросится, что мы делали, не спросится, хорошо ли мы говорили, а спросится, по вере ли жили мы“ – эта простая мысль Фомы Кемпийского не дает мне покоя.

Достопочтеннейший Владыка, возлюбленный во Христе отец, мне кажется, я делаю что-то не так. Стыд не покидает меня, когда хожу среди сверкающего мрамора, золота и серебра. Мне стоит труда читать проповеди и смотреть в глаза прихожанам. Я подумываю о ските.

С братской любовью во Христе, ключарь храма Христа Спасителя протоиерей Ионафан».

Ключарь перечитал письмо, вложил в конверт, заклеил и спрятал в кейс.

Странный нищий

В середине апреля на Волхонке, у храма Христа Спасителя, появился нищий. На нем были обтрепанные джинсы, изношенные кроссовки, армейская куртка оливкового цвета. Сильно поседевшие волосы касались плеч. Усы и борода старили мужчину, но, если приглядеться, на вид ему было лет сорок. Единственное, что в новичке обращало на себя внимание, так это хлопчатобумажные перчатки с отрезанными «пальцами». Дни стояли теплые, и неуместность перчаток бросалась в глаза. Но мир нищих – особый мир. Они и летом могут носить пальто или валенки, их собственное тело служит им и вешалкой, и камерой хранения.

Мужчина остановился у калитки, через которую верующие шли к храму, вынул из полиэтиленового пакета картонную коробку, положил перед собой. Четверо нищих, уже стоявших здесь, недовольно посмотрели на пришедшего, но промолчали – он был моложе и сильнее их.

Вот-вот должны были зацвести вишни. Словно в благодарность за такую щедрость, все, что могло, блестело, сверкало, искрилось – мутная вода в Москве-реке, золотые купола церквей, битое стекло пивных бутылок у продуктовых ларьков, серебристые крылья очнувшихся мух...

Шедшие в храм редко подавали. Да и подавали исключительно мелочь. Мужчине в куртке почему-то бросали чаще других. Это раздражало нищих. Какое-то время они терпели, но около полудня, когда монеты скрыли дно коробки, женщина в коричневом демисезонном пальто с серым каракулевым воротником, изъеденным молью, и в войлочных ботинках на молнии, выждав, когда рядом не будет прихожан, голосом прокуренным и тяжелым крикнула новичку:

– Эй ты, патлатый! А не пошел бы ты отсюда куда-нибудь в другое место?!

Темно-синяя фетровая шляпа, похожая на треуголку, придавала женщине вид пирата, вышедшего в отставку по причине возрастной слабости. Как и на новичке, на ней были перчатки только не хлопчатобумажные, а шелковые, лоснящиеся, под цвет пальто.

Женщину поддерживал хромой на костылях:

– Это наше место!

Остальные двое закудахтали, словно куры у просыпанного зерна:

– Да-да, уходи отсюда!

– Ишь, пристроился!

Мужчина в куртке растерянно посмотрел на агрессивных соседей.

– Разве здесь мало места? – удивился он.

– Да, мало! – отрезала женщина в коричневом пальто. – Иди вон туда!

Она указала на дальний угол площади.

– Но там прихожане не ходят, – возразил седой.

– Это уже твои проблемы! – сказал тот, что был на костылях.

Лоб хромого напоминал мелкую рябь на воде перед дождем. Морщины катились одна за другой и исчезали под грязной бейсболкой, повернутой козырьком назад. Борода у хромого была такой же, как у новичка, с сильной проседью, но гуще. На темном, давно не мытом лице блестели глаза, чистые и голубые. Вначале можно было подумать, что они случайно достались этому человеку – неухоженному, неопрятному, с гнусавым голосом и бранной речью. Но достаточно было задержать на них взгляд в минуты, когда хромой молчал, начинало казаться, что глаза – то единственное, что всегда принадлежало ему. В них таились воспоминания...

Опираясь на костыли так, что голова едва возвышалась над плечами, хромой стоял напротив пришельца, посягнувшего на его копеечный заработок, и готов был пустить в ход костыли. Он сделал бы это, но враг смотрел на него так пристально, что хромой не выдержал.

– Ты чего так смотришь?! – грозно прогундосил он.

– Кто ты? – отозвался пришелец.

- В смысле? – не понял хромой.
- Кто ты? – повторил новичок.
- Бомж...
- Кто ты был, когда тебе было хорошо?

Хромой растерянно посмотрел на седого. Вначале хотел ответить что-то дерзкое, но упустил момент, потому что память зацепила что-то очень далекое, давно не востребованное, радостное до головокружения. Он хотел что-то сказать, но в горло вкатился ком, отчего даже стало больно. Хромой испугался необычного состояния, кашлянул, еще больше разозлился на пришельца, замахнулся костылем, но затем опустил его.

- Так кто ты был, когда тебе было хорошо? – терпеливо переспросил седой.
- Хромой молчал, словно не понимал, о чем его спрашивают.
- Как тебя зовут? – спросил новичок.
- Хромой.
- А как тебя звала мама?
- Чья?
- Твоя.
- Мама?
- Ну да.
- Мама... звала меня...

Бомж так неуклюже произнес слово «мама», что сам понял это и выкрикнул:

- Какое твое дело?!

Он хотел добавить любимое выражение «дерьмо собачье», но почему-то передумал, повернулся и снова встал у ограды.

– Я такой же, как вы, братья и сестры, – сказал мужчина в армейской куртке. – Почему же вы гоните меня?

- Это место занято! – сказала женщина в коричневом пальто.
- Но я же стою дальше вас всех, – возразил мужчина.

– А подают тебе чаще! – вырвалось у женщины с бельмом на левом глазу. Она была в плаще цвета аравийской пустыни и черных мужских ботинках на красных шнурках, оборванных в нескольких местах и связанных.

- Моя ли в том вина? – пожал плечами седой. – Прихожане сами решают, кому подать.

– Ты их чем-то приманиваешь! – воскликнул мужчина, чья правая рука была вывернута, а пальцы не гнулись.

- Чем же я их приманиваю? Стою смиренно и лишь уповаю на человеческую доброту!
- Почему же мне, калеке, подают меньше, чем тебе?! – возмутился хромой.

Новичок внимательно посмотрел в голубые глаза бомжа.

- Может быть, потому, что ты не калека? – сказал он.

Нищие в изумлении застыли.

- Да за такие слова!

Хромой снова замахнулся костылем.

– Ты можешь меня ударить, – сказал седой, – но от этого твоя ложь не перестанет быть ложью.

Мужчина опустил костыли.

- Кто тебе сказал? – прошептал он.

– Никто. Вот он, – седой указал на мужчину с вывернутой рукой, – действительно калека.

- Но как ты узнал? – растерянно повторил «хромой».

– Это проще, чем ты можешь себе представить, – ответил пришелец.

- Ты хочешь занять мое место! – догадался нищий.

– Никто не может занять чье-то место, – сказал мужчина в армейской куртке. – Ты не станешь мною. Я не стану тобой.

– Точно кто-то тебе настучал на меня! – воскликнул бомж, по-прежнему опираясь на костыли. Видно было, что мозг «калеки» пытается вычислить того, кто разоблачил его.

– Ты ошибаешься, друг мой!

Седой посмотрел на «хромого» и улыбнулся. Обращение «друг мой» произвело на нищих не менее сильное впечатление, чем то, что незнакомец разоблачил мошенника. Ни к одному из них давно так не обращались. В этих словах было столько тепла, доверия и уважения, что неприязнь к новичку исчезла, как появившееся было облако над собором.

– Ты ошибаешься, друг мой, – повторил пришелец. – Никто ничего мне не говорил о тебе. Так же, как и об этой женщине.

Незнакомец указал на затеявшую ссору.

– У нее на руках экзема.

Женщина растерянно посмотрела на седого.

– И правда, у меня экзема... – сказала она. – Но как ты узнал?

– Имеющий глаза – да увидит.

– Но как?!

– Очень просто. Хотя это и трудно объяснить.

– Разве трудно объяснить то, что просто?

– Труднее всего.

– Почему?

– В простоте – истина. А путь к ней труден.

– Ты мудришь, парень! – сказал «хромой».

– Ничуть!

– А отчего у меня экзема? – спросила женщина. – Заразилась, что ли?

– Причина в тебе.

– Во мне?

– Вспомни!

– Что вспомнить? – не поняла женщина.

– Вспомни, что было 23 года назад.

– А что тогда было?

– Твой муж работал на стройке мастером.

– Да, работал...

– У тебя была подруга. Ваши мужья работали вместе.

– Да...

– Мужа подруги назначили прорабом.

– Да...

– Ты посчитала, что это несправедливо.

– Несправедливо...

– Тогда и появилась экзема.

– Тогда?

– Именно. Черная зависть породила ее. Ты больше не встречалась с подругой. Муж уволился. У вас начались семейные неурядицы. Помнишь?

Женщина взглянула на седого растерянно, удивленно. Сняла перчатки, посмотрела на изувеченные язвами руки, будто увидела их впервые, заплакала.

– Стоило ли так завидовать чужому успеху? – с сочувствием спросил седой.

Женщина помотала головой.

– Не плачь, милая, – сказал пришелец. – Я помогу тебе.

Он взял ее обезображенные руки в свои – нежно, бережно, долго смотрел на них, погладил, будто старался стряхнуть струпья, затем прижался к ним щекой. Стоял так долго, минут пять, затем опустил руки.

– К утру все пройдет, – сказал он.

Женщина смотрела то на руки, то на седого, не зная, верить ему или нет.

– Верь! – сказал новичок.

Потрясенная услышанным и увиденным компания растерянно молчала. Первой очнулась женщина с глаукомой.

– Добрый человек, – обратилась она к седому, – может, ты и мне поможешь? Левым глазом совсем не вижу!

– Я помогу тебе, – сказал мужчина в куртке. Он прикрыл ладонью больной глаз, подержал руку минуты три. Затем плюнул на пальцы, растер ими глаз. Снова прикрыл глаз ладонью. Через минуту отнял руку и отступил.

Женщина растерянно посмотрела на седого, перевела взгляд на стоявших рядом.

– Я вижу! – воскликнула она. – Ей Богу, вижу!

Закрыла рукой правый глаз.

– Вижу!

Хрусталик был совершенно прозрачный, а роговица – чистая. Женщина шагнула к исцелившему ее, взяла его руки, поцеловала.

– Спасибо тебе, добрый человек! Дай тебе Бог здоровья!

– Я рад, что получилось, – улыбнулся седой.

– И мне помоги! И мне!

Инвалид с вывернутой рукой подошел к пришельцу, умоляюще посмотрел в глаза.

– Тебе не смогу помочь, – спокойно ответил седой.

– Но им же помог!

– Их болезни приобретенные. Их я лечить могу. Твоя же болезнь – глубинная. Твои предки изменили структуру твоего тела.

Мужчина с недоумением смотрел на целителя.

– Твоя бабушка вышла замуж за родного брата, – сказал седой. – Они нарушили правило: нельзя смешивать кровь родственников. Ты – результат их греха.

Мужчина сник.

– Как тебя зовут? – спросил седой.

– Яков.

Пришелец сочувственно посмотрел на калеку.

– Прости им, Яков!

– Ты – знахарь? – спросила та, у которой была экзема.

Седой улыбнулся.

– Можно сказать и так.

– Ты извини, что мы на тебя набросились, – сказал «хромой». – Но пойми, всем не подадут.

– Это так, – согласился новичок. – Но у тебя не больше прав, чем у меня. Мы все дети Господа. Я собрал больше, чем вы, и поделюсь с вами.

Седой зачерпнул из коробки мелочь, высыпал «хромому». Затем остальным. Когда коробка опустела, та, что прозрела, удивилась:

– А себе? Ты ничего не оставил себе!

– Господь мне еще даст, – ответил седой. – Вам сейчас нужнее.

– Как тебя зовут? – спросил «хромой».

– Сын Божий, – ответил мужчина.

– Не хочешь говорить – не надо, – обиделся «калека».

– Я сказал, – ответил седой и обратился к «хромому», – Брось костыли. Украденное не принесет тебе счастья.

– Я не ворую! – воскликнул мужчина.

– Люди думают, ты калека, верят тебе, сочувствуют и подают. А ты обманываешь их. Это грех! Ты – верующий?

– Конечно! – воскликнул мужчина.

– И ты знаешь заповеди Господа?

– Не убий, не укради...

– Вот видишь, знаешь, а крадешь!

– Я не залезаю к ним в карман!

– А давай сделаем так: когда прихожанин захочет бросить тебе деньги, я его предупрежу, что ты не калека.

Мужчина смущенно молчал.

– Попробуем?

– Не стоит, – буркнул нищий.

– Возможно, без костылей ты заработаешь меньше, но пользы от этого будет больше.

– Больше денег всегда лучше, чем меньше, – усмехнулся бомж.

– Ты ошибаешься, – возразил седой.

– Это тебе скажет каждый ребенок.

– При чистых помыслах и от малого большой толк.

– Он прав, Михалыч! – вмешалась в разговор исцеленная от глаукомы.

Михалыч промолчал.

– Вы были в храме? – спросил седой.

– Конечно! Как не быть! – заговорили все наперебой.

– Хороший храм?

– Богатый! – сказала та, у которой была экзема.

– Да-да, богатый! – подтвердили остальные.

– Богатый? – удивился седой.

– Там много золота! Смотри, какие купола!

– А зачем? – спросил пришелец.

– Что «зачем»? – не понял Михалыч.

– Зачем золото?

– Но это же храм! – удивился бомж.

Новичок усмехнулся.

– А разве, чтобы обратиться к Богу, нужно золото?

– Нет, но...

– Господь внутри нас, – сказал пришелец. – Мы можем разговаривать с ним, где угодно. Зачем же для общения с ним золото? Или вы считаете, что Господь – взяточник?

– Не кошунствуй! – воскликнул «хромой».

– Я всего лишь спросил, – невозмутимо ответил седой. – Ты ведь можешь поговорить с Господом вне храма?

– Как это? – удивился Михалыч.

– Подумать о нем. Обратиться внутренним взором к нему. Помолиться.

– Здесь?

– Да, здесь. Или вон там, чтобы никто не мешал.

– Наверное...

– Если Господь в сердце твоём, если ты веруешь в него, если твои слова искренни, услышит ли он тебя? – спросил незнакомец.

– Наверное, да...

– Тогда зачем золото?

– Так принято...

– Принято кем?

– До нас...

– Когда люди только принимали веру Христову, когда их преследовали за это, они молились в пещерах. Там не было золота. Значит ли это, что они были хуже вас?

Нищие не знали, как отнестись к словам незнакомца. С одной стороны, он был добр и двоим из них помог, а с другой, говорил вещи странные... Возразить ему было трудно, а хотелось: то, что говорил седой, противоречило тому, к чему они привыкли. Они молчали, испытывая неловкость и смущение.

Именно в это растерянное молчание ворвалось утиное кряканье – громкое, требовательное, нахальное. Распугивая транспорт, на Волхонку ворвалась полицейская машина. Следом за нею неслись два черных мерседеса с тонированными стеклами. У храма авто остановились. Правая передняя дверца у первого мерседеса распахнулась, из машины выскочил молодой мужчина спортивного сложения в темном костюме, белоснежной сорочке с галстуком и открыл заднюю дверцу. Из второго мерседеса выскочили еще трое мужчин очень похожие на первого, окружили появившуюся в проеме ногу в сверкающем черном ботинке. Один из охранников наклонился, и на тротуар ступил человек в длинной черной рясе, в белом головном уборе с изображением трех шестикрылых Серафимов. Сверху убора крепился крест. Мужчина опирался на посох с позолоченной ручкой. Оглядевшись, священнослужитель неторопливо двинулся в сторону храма. Один охранник шел впереди, один – сзади, двое – по бокам.

Нищие подобрались, засуетились, подступили ближе к калитке, немигающим взглядом следили за каждым движением важного духовного лица. Когда он приблизился, нищие стали отвешивать поклоны и неистово креститься. Важное лицо повернулось к ним, трижды осенив их крестом, отчего нищие стали кланяться еще ниже и еще неистовее креститься.

– Кто это? – спросил седой, когда важное лицо скрылось в храме.

– Это же патриарх! – воскликнула та, у которой была экзема.

– Первосвященник?

– Глава Русской Православной Церкви!

– А что он делает? – снова поинтересовался седой.

Все недоуменно посмотрели на мужчину в оливковой куртке.

– Как «что»? – удивился Михалыч.

– Ну, что он делает? – повторил свой вопрос седой.

– Служит Богу! – сказала исцеленная от глаукомы.

– И как он это делает?

Нищие смотрели на пришельца, не понимая, то ли притворяется, то ли на самом деле хочет понять то, что знают малые дети.

– Служит службу, – пояснил «хромой».

– Как?

– Читает проповеди, возносит хвалу Господу...

– И все?

– Управляет патриархией.

– А как управляет?

– Как, как! – разозлился «хромой». – Подписывает бумаги, дает указания, следит за порядком...

– И что, все священнослужители – его подчиненные?

– Ну да! – сказал «хромой».

– Все-все?

– Ну да.

– В таком случае это не церковь. Это министерство. А ваш патриарх – министр! Нищие переглянулись.

– Патриарх – наместник Бога! – воскликнул Михалыч.

– Да? – удивился седой. – А кто его назначил?

– Собор.

– Так не может быть, – возразил седой. – Наместника Бога может назначить только Бог!

– Ты что, дурак?! – не выдержал «хромой».

– Почему? – невозмутимо отреагировал седой.

– Как же его Бог назначит? Его же никто не видел!

– Ты не веришь в Бога? – спросил седой.

– Почему не верю? Верю!

– Как же ты веришь в то, чего не видел?

– Он потому и Бог, что его никто не видел.

Незнакомец широко улыбнулся, словно учитель на уроке, услышав милую глупость ученика.

– Ты ошибаешься, друг мой! Он Бог не потому, что его никто не видел. Он Бог потому, что мы чувствуем: он есть!

– Хорошо журчишь, – заметил Михалыч. – Но объясни мне: как тот, кого я только чувствую, должен назначить патриарха? Он что, указ должен подписать? Или как, мать его ети!

– Господь никого не назначает. Ему это не нужно.

Четыре пары глаз впились в пришельца. Нищие пытались ухватить мысль новичка, но это удавалось плохо. Яков облизал пересохшие губы, та, что излечилась от глаукомы, лихорадочно крестилась.

– А как... Как же это... Того...

Михалыч подбирал слова, но они разбегались, словно церковные крысы, услышав шаги звоняря. Наконец он выдал из себя:

– А как же... этот, патриарх?

Новичок задумался.

– Это большая проблема.

– Для кого? – робко, почти шепотом произнес нищий.

– Для людей, дорогой, для людей. Наверное, у патриарха много помощников?

– Еще бы!

– Что они делают?

– Готовят бумаги, занимаются финансами, ведут всякие дела...

– Какие дела?

– Всякие. Думаешь, легко управлять финансами?

– У церкви так много денег?

– А ты думал!

– Зачем?

– Платить зарплату священникам, содержать храмы, монастыри...

– Автомобили... – подсказал седой.

– Автомобили, – согласился Михалыч.

– Такая машина, наверное, дорого стоит?

Седой кивнул на мерседес.

– Ты за всю свою жизнь столько не заработаешь! – усмехнулся «хромой».

– А зачем ему такая дорогая машина? – спросил новичок.

– Для солидности!

– А если бы он приехал на бричке, к нему отнеслись бы хуже?

– Ха-ха! – рассмеялся Михалыч. – Ну, ты скажешь! Кто сегодня ездит на бричке? Ты бы еще осла вспомнил.

– Христос въехал в Иерусалим на осле.

– Это когда было!

– Разве важно, на чем едешь? Важно, что несешь.

– Ты рассуждаешь, будто инопланетянин, – заметила та, у которой была экзема.

– А зачем ему столько охраны? – спросил седой.

– Чтобы не напали на него. Народ ведь разный!

– Его могут убить?

– Да запросто!

– За что?

– Мало ли за что? А хоть бы просто так!

– И он думает, что охрана его защитит?

– Ну да.

– Пастырь, которому нужна охрана, чтобы защититься от паствы, плохой пастырь!

– Почему? Вон Папу Римского едва не убили!

Если он доверяет свою жизнь охране, а не Богу, значит, охране он верит больше, чем Создателю. В таком случае, как же он служит Всевышнему, если не верит ему? Он же все время говорит: «Все во власти Бога», «На все воля Божья». И нанимает охрану.

Нищие молчали, не зная, что сказать. Первым очнулся Яков.

– Кто ты такой? – спросил он.

– Один из вас, – ответил седой.

– Ты говоришь странные вещи, – сказал Яков.

– Но разве мои вопросы не справедливы?

– Они... смущают.

– Да, да, – поддержали нищие. – Они смущают!

Утки в озере возле храма ныряли, отряхивались, снова ныряли. Пришелец подставил лицо солнцу, прикрыл глаза. Хотелось довериться упругим волнам света, стать их частью, рассыпаться и одновременно коснуться всего – травы, бархатных перьев на головках уток, сияющего купола... Седой почувствовал, как трепетная радость разливается по телу, переполняет его, сближая со всем, что окружает его, делая легким, вездесущим, не страшимся вечности...

Седой открыл глаза. Четверо нищих по-прежнему смотрели на него, в глазах их были удивление и растерянность.

– Я приду завтра, – сказал седой.

– Приходи, добрый человек! Может, еще кому поможешь, – отозвалась исцеленная от глаукомы. Когда седой ушел, нищие заговорили о нем.

– Очень странный человек! – сказал Яков.

– Такие вопросы задает, будто ребенок, – поддержал Михалыч.

– Знахарь! – многозначительно заметила женщина в коричневом пальто.

Михалыч подошел к исцеленной от глаукомы, стал рассматривать левый глаз.

– Как это он тебя от глаукомы избавил? – проскрипел он. – Подержал руку возле глаза и – все! Никакой операции! Я что-то не слышал, чтобы знахари так могли. Ты действительно видишь?

– Очень хорошо вижу! – ответила женщина.

Прикрыла ладонью правый глаз.

– У тебя в бороде хлебные крошки. А вон – голуби! – радовалась она.

– А ты? – обратился Михалыч к той, у которой была экзема. – Покажи руки!

Женщина сняла перчатки. Язвы частично затянулись.

- Черт! – воскликнул потрясенный бомж. – Как он это сделал?!
- Нет, это не простой человек, – сказал тихий Яков.
- Зачем он свою долю раздал? – задумалась женщина в коричневом пальто.
- На самом деле – зачем? – поддержал Михалыч. – На что жить будет?
- Наверное, где-то еще собирает, – предположила исцеленная от глаукомы. – Видишь,

ему охотно подают.

- Ты бы отдал? – обратился к Михалычу Яков.
- Если честно – нет.
- И я бы не отдал. А он – отдал!
- Он просто человек с добрым сердцем, – пояснила страдавшая экземой.
- Он просто с приветом! – воскликнул «хромой».

Михалыч метался на костылях на пяточке перед нищими, по привычке продолжая играть роль калеки.

- Мы тоже в принципе добрые, – рассуждал он. – Но нас жизнь испортила.

– Я завтра приведу свою жену, – сказал Яков. – У нее на щеке – бородавка. Как думаешь, поможет?

– Он не придет завтра, – решительно заметил Михалыч. – Знаю я таких: пустят пыль в глаза и исчезают.

- Какая пыль! – возмутилась исцеленная от глаукомы. – Он меня вылечил. Я вижу!

– Ты подожди до завтра, – возразил недоверчивый бомж. – Может, за ночь твоя глаукома к тебе вернется.

- Типун тебе на язык!

Целитель

На следующее утро у калитки, которая вела к храму, собралось человек пятьдесят. Каждый нищий рассказал своим родным и знакомым о странном знахаре. Та, которую исцелили от глаукомы, давала посмотреть свой глаз, а избавленная от экземы показывала совершенно чистые руки. Люди удивлялись, высказывали сомнения, с нетерпением ждали знахаря. Тот появился неожиданно. Все обратили внимание на незнакомца, когда исцеленная от экземы женщина воскликнула:

– Вот он! Он пришел! – Женщина бросилась к мужчине в армейской куртке, схватила его руки, стала целовать, несмотря на то, что он был в хлопчатобумажных перчатках.

– Спасибо, добрый человек! Смотрите: все прошло!

Женщина повертела перед седым руками.

– Я рад, что ты снова здорова, – сказал мужчина. – Иди и никогда никому не завидуй!

– Всю оставшуюся жизнь я буду молиться за тебя! – горячо произнесла женщина.

– Поживем – увидим! – сказал знахарь.

Наблюдавшие необычную сцену придвинулись к знахарю.

Отовсюду посыпались мольбы:

– Помоги мне!

– И мне!

– И мне!

– У меня рак!

– У кого рак? – спросил седой.

– У меня, у меня! – пробралась вперед молодая женщина в белом берете и синем платке, повязанном вокруг шеи.

– Здесь?

Знахарь указал на правую грудь.

– Да! – сказала она.

Окружающие издали удивленный вздох.

– Как он узнал?

– Они в сговоре. Это трюк!

– Сами вы – трюк!

– Расслабься, – сказал седой, словно не слыша разговоров вокруг. Снял перчатки, правую руку засунул под пальто, положил на грудь женщины.

– Я тоже так умею! – пошутил кто-то, но на него зашикали.

Знахарь уверенно растегнул пальто, блузку, бесцеремонно сдвинул бюстгальтер. Длинными худыми пальцами попытался что-то нащупать. Взгляд его был сосредоточен и строг. Видимо, нащупав то, что искал, замер, затем стал массировать. Процедура длилась минут десять. Все это время вокруг висела напряженная тишина.

Наконец знахарь отнял руку, надел перчатки.

– Все, моя хорошая, – сказал он, – иди и радуйся жизни!

У тебя ничего нет.

Женщина стояла в растерянности.

– Это... правда? – тихо спросила она.

– Говорю тебе, помолись Господу, Отцу нашему!

Женщина обняла седого, поцеловала в щеку.

– Спасибо тебе, добрый человек! Я буду молиться за тебя!

Женщина вынула заранее приготовленные деньги, сунула в руку знахарю. Тот равнодушно посмотрел на купюры.

– Деньги не стоят и тысячной доли твоего святого чувства.
Не унижай его!

Знахарь вложил деньги в руку растерявшейся покрасневшей женщине.

– Отдай долги за квартиру, – сказал он.

Оцепенение прервал голос, раздавшийся с задних рядов:

– Помогите мне!

Толпа раздвинулась. Вперед, с трудом переставляя непослушные ноги, вышел мужчина на костылях.

– Помогите мне! – повторил он. – У меня...

– Я знаю, – перебил его знахарь. – Ты перенес insult.

Седой снова снял перчатки, положил руки на обнаженную голову мужчины. Застыл, словно прислушивался к чему-то, затем перенес руки на одно из полушарий, легко помассировал его. Замер. Прислушался. Помассировал. Так он делал несколько раз. Наконец сказал:

– Брось костыли! Они тебе больше не понадобятся.

Мужчина растерянно смотрел на странного лекаря, не в силах двинуться с места.

– Не бойся. Дай сюда костыли, иди с Богом!

Мужчина протянул костыли седому, постоял, осторожно сделал первый шаг. Затем второй. Развернулся, пошел.

Толпа загудела.

– Пошел!

– Пошел!

– Чудо!

– Не может быть!

– Они сговорились!

– Чудо!

Мужчина вернулся, упал перед знахарем на колени, заплакал.

– Это Господь моими руками помогает тебе, – сказал седой.

– Кто ты?! – выкрикнули из толпы.

– Сын Божий, – ответил седой.

– Кто?!

– Сын Божий, – повторил целитель.

– Ты хочешь сказать, что ты – Иисус? – насмешливо спросил тот же голос.

Все обернулись к тому, кто это сказал. Мужчина лет сорока протиснулся вперед. Судя по грубым рукам, испещренным ссадинами и шрамами, он имел дело то ли с металлом, то ли с кислотой.

– При рождении меня нарекли Йешуа, – сказал знахарь. – Иисус – это по-гречески.

– Ты – Иисус из Назарета?!

В голосе мужчины были растерянность, удивление, желание поверить и боязнь в глазах окружающих выглядеть смешным.

– Да, я – Иисус из Назарета, – подтвердил седой.

Десятки глаз впились в знахаря.

– Нашел дураков! – крикнул мужчина в вязаной шапочке, с пухлыми губами и мясистым носом.

Знахарь подошел к нему.

– Почему ты не веришь мне? – спокойно спросил он.

– Да потому что много всяких было! Все говорили, что они Иисусы. А оказывалось – мошенники.

– Но разве я дал повод усомниться в том, что я – Сын Божий?

Мужчина окинул знахаря с ног до головы.

– Кто ж тебя знает! – сказал он, дотронулся до плеча знахаря, пощупал ткань куртки. – Ты ничем не отличаешься от нас.

– А должен?

– Ну да!

– С чего ты взял?

– Так в Священном Писании...

– Ты хорошо знаешь Священное Писание?

– Да. У меня хорошая память. Там сказано: «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою».

– Там еще говорится, что Христос придет в «божественном свете». И выглядеть он будет по-другому, и имя его будет другим.

– Верно! – воскликнул мужчина, в порыве увлеченности сорвал шапочку, обнажив редкие слипшиеся волосы. – А с твоим появлением все не так!

Знахарь долго смотрел на собеседника. Мужчина был не брит, от него пахло дешевыми сигаретами. Похоже, жизнь спихивала его с той последней ступеньки, за которой начинаются нищета и забвение.

– Чем глубже заглядываешь в прошлое, тем меньше шансов увидеть будущее, – сказал знахарь.

– Как? – не понял мужчина.

– Многие пытались его угадать, – пояснил седой. – Но никто не угадал.

– Может быть, может быть... – задумчиво произнес мужчина, обнаружил в руке шапочку, натянул на голову. Что-то вспомнил. – Я еще хотел спросить... В Священном Писании сказано, что Иисус придет на землю перед всеобщей погибелью. Раз ты пришел...

– Раз я пришел, значит, плохи ваши дела, – сказал знахарь.

Люди растерянно посмотрели друг на друга.

– Почему?!

Вопрос вылетел из толпы, как камешек из рогатки.

– Вы не справились с жизнью, – сказал знахарь.

– Почему мы не справились с жизнью?!

– Вы ненавидите друг друга.

– Как это понимать?!

– Вы лицемерны и лживы.

Знахарь двинулся сквозь толпу. Она покорно расступилась. Свернув за храм, Йешуа направился к Патриаршему мосту.

Какое-то время люди молчали. Происходящее казалось слишком невероятным!

– А ведь у него на обоих руках шрамы! – воскликнула женщина, у которой был рак.

– Могу поклясться, я тоже видел! – сказал перенесший инсульт.

– И я видел! – подтвердил мужчина, стоявший рядом со знахарем.

– Да вы что!

– Не может быть!

– Вот вам крест!

– Фантастика!

– Может, это и вправду Иисус?

– Это пришествие Христа?..

– Пришествие...

– Слава тебе, Господи!

– Не может быть!

– Надо позвонить в полицию!

– Я тебе позвоню!

– Что же делать?

– Молиться!

Люди крестились, перешептывались и нехотя расходились.

...и имя его будет другим

Следующим утром у храма Христа Спасителя толпилось человек триста. Разговоры были только о странном мужчине, который называл себя Сыном Божиим. Те, кому об этом рассказывали впервые, усмехались. Но когда им говорили, что человек на глазах у толпы инвалидов делал здоровыми, улыбаться переставали и интересовались, придет ли он снова. Видевшие все собственными глазами оказались в центре внимания. Десятки людей окружали свидетеля, улавливая каждое слово, задавали вопросы, качали головами, сомневались.

– И что, прямо так сразу и вылечил? – спрашивали вновь подошедшие.

– Прямо на глазах у всех! – отвечали свидетели. – Подержал руку возле головы и говорит: «Костыли тебе больше не нужны. Иди с Богом!» И человек пошел!

– Очень странно разговаривает! – делились впечатлениями в другом месте.

– Он – иностранец?

– Вроде бы нет. Но рассуждает чудно.

– Как же?

– Говорит, что храм не нужен!

– Не нужен храм? Свят, свят, свят! Да в своем ли он уме!?

– В том-то и дело! Говорит, с Богом можно общаться и без храма! Где угодно!

– А где молиться?

– Где стоишь, там и молись. И еще сказал: раз вы золотом кроете церковные купола, значит, хотите Бога задобрить, считаете его взяточником.

– Так и сказал?!

– Собственными ушами слышала!

– Нехорошо как-то.

– Не то слово! А слушаешь – умный. И очень простой. Ну, как настоящий Иисус!

– А вы знаете, какой настоящий Иисус?

– Нет, но мне кажется...

– Если кажется – креститься нужно!

Но женщина и так непрерывно осеняла себя крестом.

Такие речи велись по всей площади. Разговоры распаляли людей. То там, то здесь спрашивали: «Пришел?»

Знахарь появился незаметно. Первым от глухоты вылечил мужчину в клетчатом пальто с ондатровым воротником. Следующим был младенец с пороком сердца. Молодая мать рыдала, умоляя помочь годовалому ребенку. Затем подвезли юношу с церебральным параличом. Потом подошла женщина с камнем в мочевом пузыре. Знахарь исцелил их всех. И если проверить, действительно ли здоров ребенок и разрушен ли камень в мочевом пузыре на месте было невозможно, то когда подросток встал с кресла-каталки и, поддерживаемый родителями, сделал несколько неуверенных шагов, толпа ахнула. У кого-то началась истерика. Многие из тех, кто был поближе к целителю, упали на колени, стали отвешивать поклоны и креститься.

– Слава Иисусу! Слава Иисусу! – шептали они.

– И мне! И мне помоги!

Десятки людей, незрячих, на костылях, со скрытыми болезнями, бросились к целителю.

– Я не могу всем помочь, – сказал он. – Моих сил не хватит. Все, что я мог, я отдал этим четверым.

– Как?! – удивились жаждавшие исцеления. – Ты не всемогущ?!?

– Наберусь сил, – сказал знахарь, – и завтра помогу еще кому-нибудь. Но я не помогу всем.

– Ты не Иисус! – крикнул кто-то. – Иисус лечил всех!

Неправда! – возразил знахарь. – Я не лечил всех. В Иудее было много больных, но я смог помочь только некоторым. Вон сколько у вас больниц, врачей, дорогой техники, однако страждущих не становится меньше. А вы хотите, чтобы я один излечил весь мир?

– Истинная правда! – шептали многие и крестились.

– Но ты же Иисус! Ты все можешь!

– Я могу многое, – сказал знахарь. – Но, к сожалению, не все. Слишком много болезней, слишком много пороков... Я не могу всех вылечить. Но я могу научить, как это сделать.

– Как?!

– Научи!

– Это трудный путь. На это уходят годы и даже вся жизнь. Нужно стать другими.

– Мы это знаем! – крикнули в толпе.

– Знаете, а не делаете.

– Мы каемся! – воскликнула молодая женщина с лицом, изможденным частыми постами.

– А толку!

– Мы молимся!

– Молитесь и обманываете! Молитесь и облизываетесь на чужое! Молитесь и исходите желчью!

– Ты не Иисус! – воскликнула женщина, чья одежда выдавала в ней истовую верующую: на ней была длинная до пят юбка, короткая куртка и тщательно повязанный на голове платок. – Ты говоришь злые слова!

Знахарь подошел к женщине, покачал головой.

– Помнишь: «Меня ненавидит этот мир потому, что я свидетельствую о нем, что дела его злы»?

Из-за пальто и курток выглянула большая лысая голова.

– Пройдись по воде! – крикнул карлик. – Тогда мы поверим, что ты – Иисус!

– Я не пришел показывать фокусы, – сказал знахарь.

– А зачем? Зачем ты пришел?! – раздались крики.

– Бросить камень в болото.

– Камень? В болото? Зачем?

– Чтобы увидели, как живете.

– Мы и так знаем, что жизнь – дерьмо!

– Помогите нам! – крикнули в одном конце площади.

– Помогите материально! – крикнули в другом.

– Как манной небесной! – язвительно поддержали в третьем.

Знахарь обвел взглядом толпу, помолчал.

– Вы все время ждете чуда, – с горечью сказал он. – В этом ваша беда...

Протоиерей Ионафан озадачен

Ключарь снял с полки трактат Фомы Кемпийского «О подражании Христу», сел за стол, раскрыл на том месте, где была закладка, и вслух, тихо и неторопливо стал читать.

«Много у Иисуса любителей царства Его небесного, но мало носителей креста Его. Много у Него искателей утешения, но мало искателей страдания. Много находит участников трапезы, и мало участников воздержания. Все хотят со Христом радоваться, но не многие хотят что-либо претерпеть за Него. Многие последуют за Иисусом даже до преломления хлеба, и немногие до того, чтоб испить чашу страдания. Многие чествуют чудеса Его, и немногие следуют крестному поношению. Многие любят Иисуса, покуда не встретят бедствий. Многие восхваляют Его и благословляют, покуда принимают от Него что-либо в утешение, а как только скроется Иисус и хотя на малое время оставит их, впадают или в ропот или в чрезмерное отчаяние».

Подумав, ключарь второй раз прочитал текст. Снял очки, откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза. Перед ним предстала маленькая комната с серыми стенами и низким потолком. За грубо сколоченным столом сидят молодые мужчины, едят козий сыр с лепешками, пьют вино и оживленно разговаривают. Лишь один ушел в себя, думает о своем. Судя по тяжелой задумчивости, мысли его безрадостны. Складывалось впечатление, что происходящее вокруг не имело для него значения.

Петр отпил вино, поставил чашу, посмотрел на Йешуа.

– Равви, какие думы одолели тебя?

– Мне недолго осталось жить, – ответил проповедник.

– Не накликай беду! – вздрогнул Петр.

Йешуа грустно усмехнулся.

– Разве можно накликать то, что уже прячется в складках одежды?

– У тебя просто дурное настроение, – вмешался Фома. – Ты пьешь воду. А ты выпей вина, оно тебя немного развеселит.

– Я слышу, как стучат молотки.

– Это в соседнем доме готовятся к свадьбе, – пояснил Иосиф.

– У тех молотков, которые слышу я, другой звук.

– Ты сильно преувеличиваешь, – сказал Иосиф. – Нет никаких причин преследовать тебя.

– Первосвященник думает иначе.

– Почему?

– Завтра он мне об этом скажет.

Запала тишина. В дверном проеме боязливо посвистывал ветер.

– Мы будем с тобой до конца, Йешуа! – горячо сказал Фома. Глаза его горели решимостью.

– Да, Йешуа, мы не позволим людям Каиафы схватить тебя! – встал Яков, сын Заведеев.

Почти каждый нашел слова, чтобы поддержать Учителя. Но они не приободрили Йешуа. Глаза его еще более погрузнели, в уголках губ еще резче обозначились складки.

– На всякой пирушке друзья клянутся в верности, – вымолвил он. – Но утром все забывается.

– Йешуа, ты несправедлив! Мы любим тебя и пойдем за тобой всюду! – воскликнул Петр.

– Легко любить, когда не нужно идти на крест...

– Ваше Высокопреподобие!

«Странно, кто мог так обратиться к Йешуа?» – подумал ключарь и снова услышал: «Ваше Высокопреподобие!»

Ключарь открыл глаза. Перед ним в учтивой позе стоял протодиакон Филарет.

– Ваше Высокопреподобие, – повторил протодиакон. – Не хотел бы беспокоить, но и не поставить в известность об увиденном счел бы неверным.

– Слушаю вас, отец Филарет.

– Перед храмом полно народа. Люди очень возбуждены.

– Прихожане?

– Да, там есть и прихожане. Но в основном люди случайные.

– Вас что-то тревожит?

– Как вам сказать, Ваше Высокопреподобие... Среди них объявился проповедник. Называет себя Иисусом.

– Кем?

– Иисусом.

– Еще один сумасшедший!

– Так оно и есть! Только это очень странный сумасшедший.

– Странный? Чем же?

– Он исцеляет больных.

– Знахарь, что ли?

– Наверное.

– Реально исцеляет или головы людям морочит?

– Реально исцеляет. Вчера подростка, с детства страдавшего церебральным параличом, на глазах у всех поднял. Тот встал из кресла-каталки и пошел.

– Они в сговоре!

– Вначале я тоже так думал, Ваше Высокопреподобие. Но он здесь уже третий день и каждый день кого-то исцеляет. Одну женщину избавил от экземы, другую – от рака.

– От рака?

– Да.

– Чушь! Он может объявлять, о чем угодно! Поди проверь!

– Женщина в тот же день побежала в онкоцентр. Там сказали, что ошиблись в постановке диагноза: у нее ничего нет.

– Могли действительно ошибиться...

– У нее на руках результаты прежних обследований...

– Хороший знахарь!

– Есть проблема, Ваше Высокопреподобие, – сказал протодиакон.

– Какая? – насторожился ключарь.

– Он ведет странные разговоры.

– В чем же их странность?

– На днях нас посетил патриарх. Так он перед всеми высмеял Его Святейшество.

– Каким образом? – насторожился отец Ионафан.

– Спрашивал, почему приехал на дорогой машине и с охраной. Говорил, что купола храма покрыты золотом, чтобы подкупить Господа.

– Что?!

– Назвал Господа взяточником.

– Откуда такие сведения?

– Один нищий поведал.

– Что он еще говорил?

– Что для общения с Богом храмы не нужны. Православную церковь обозвал министерством. Говорит, пришел научить людей любить друг друга.

– И как воспринимает эти речи народ?

– По-разному. Кто только подходит на площадь, не верят. Но, послушав его, начинают сомневаться. И исцеление делает свое дело.

- Ловкий шарлатан!
 - У него на руках шрамы, как будто его действительно прибивали гвоздями к кресту. Отец Ионафан внимательно посмотрел на протодиакона.
 - Может, позвонить в полицию, чтобы не позволяли собираться возле храма? – предложил отец Филарет.
 - Это ничего не даст, – сказал ключарь. – Они соберутся в другом месте.
 - Ну и пусть! Главное, чтобы не возле храма.
 - Через неделю они снова придут сюда.
 - Вы полагаете?
 - Не сомневаюсь!
 - Что же делать?
 - Он еще на площади?
 - Ушел, Ваше Высокопреподобие. Но люди еще не разошлись. Обсуждают увиденное. Ключарь прошелся по комнате, остановился у окна, выходящего на Москву-реку.
 - Он завтра придет? – не оборачиваясь, спросил протоиерей.
 - Он каждое утро приходит, – ответил протодиакон. – Лечит, беседует. Уверяю вас, завтра людей будет не меньше тысячи!
 - Не меньше тысячи! – воскликнул ключарь.
 - Да, Ваше Высокопреподобие, не меньше тысячи.
 - Я завтра пойду туда.
- Протодиакон удивился.
- Стоит ли, Ваше Высокопреподобие? Это может не понравиться патриарху.
 - Но как можно судить о чем-то, не увидев это собственными глазами?
 - Мы вас обеспечим подробной информацией. Наши люди там уже работают.
 - Работают? – удивился ключарь.
 - Да. Я распорядился.
 - Я хочу увидеть этого человека! – решительно сказал протоиерей, дав понять, что разговор закончен.

Ключарь оmyвает ноги нищему

Пятое утро со дня появления у храма странного человека началось с того, что уже к девяти часам на площади, как и предполагал отец Филарет, собралось не меньше тысячи человек, и народ все прибывал. В толпе царило сильное возбуждение. Все ощущали необычность происходящего, предчувствовали события бурные, скандальные. Люди обсуждали слухи о появлении странного человека, многие уверенно говорили о пришествии Христа. Даже скептики, которых в любой толпе набирается много, не язвили, а, наэлектризованные общим ожиданием, молчали, не зная, как воспринимать происходящее.

– Иисус!

Имя пронеслось по толпе, словно шелест листьев, по которым пробежался ветер. Многие бросились на колени, стали молиться. Несколько человек кинулись к знахарю, хватали его за руки и целовали. Толпа сжалась вокруг целителя.

В это время из храма вышла небольшая группа людей во главе с протоиереем Ионафаном. Все были в будничном черном облачении с клобуками на головах. Когда священники вышли за калитку, народ почтительно расступился, освобождая проход к знахарю. Ключарь остановился в двух шагах от седого и внимательно посмотрел на человека, взбудоражившего паству. Знахарь спокойно смотрел на священнослужителя. Тому было далеко за шестьдесят, даже просторная риза не могла скрыть его полноту. На груди лежала густая белая борода и наперсный крест.

– Здравствуй, добрый человек! – произнес протоиерей.

– Здравствуй, преподобный! – ответил знахарь.

– Пришел посмотреть на тебя. Слухи о тебе разные ходят. Кто ты?

– Сын Божий.

– Ты хотел сказать – раб Божий?

– Нет, я не раб. Я – Сын Божий.

– Значит, ты рожден от Создателя?

– А это возможно?

– Что? – не понял протоиерей.

– Родиться от Всевышнего.

– Так был рожден Иисус!

– Это неправда!

– Ты кощунствуешь, сын мой!

– Я не твой сын, преподобный!

– Но ты и не Сын Божий! – воскликнул ключарь.

– Почему? – спокойно спросил знахарь.

– Если ты рожден не от Духа Святого, ты – не Сын Божий!

Застывшая толпа, ловившая каждое слово в этом необычном диалоге, очнулась и зашумела. Знахарь посмотрел на пунцовые щеки протоиерея и подумал, что старик, помимо прочих болячек, страдает повышенным давлением.

– Преподобный, – сказал знахарь, – тебе известен хоть один случай, когда бы женщина понесла не от мужчины?

– Нет, не известен, – ответил тот. – Но Иисус один такой. Потому он и Иисус!

– Он Иисус не потому, что один такой, – возразил знахарь. – Он Иисус потому, что оказался ближе всех к Создателю по духу своему. Я – пятый ребенок в семье.

После меня родилось еще двое. И ты утверждаешь, что женщина, родившая столько детей, осталась девственницей?

– Это таинство, подробности которого нам, смертным, неведомы!

- Там, где вы не можете что-то объяснить, вы всегда напускаете туман...
- И после этого ты настаиваешь, что ты – Иисус?
- Я не настаиваю. Просто я – Йешуа. Так же, как ты – от рождения Петр. Отец Филарет наклонился к уху протоиерея.
- Ваше Высокопреподобие, это еретик. Об этом нужно объявить и уйти.
- От этого он не перестанет так думать, – ответил отец Ионафан и обратился к знахарю.
- Ты помнишь свою мать?
- Помню. Она была доброй женщиной, но считала, что я непутевый сын.
- Почему?
- Вместо того, чтобы заниматься каким-нибудь ремеслом, смущал людей речами. Иногда мне казалось, она не любит меня.
- Это оговор! – вырвалось у женщины в черном платке.
- Седой обернулся.
- Ты видела Марию? Ты присутствовала при ее разговоре с сыном?
- Не видела! – запальчиво ответила женщина. – Но мать не могла не любить сына, которого ждал крест!
- А разве она знала, что ее сына ждет крест?
- Женщина промолчала.
- Когда я разговаривал с мамой, – сказал знахарь, – она вроде бы понимала меня и жалела. Но ей хотелось, чтобы я был как все. Ей было стыдно за меня перед соседями.
- Поэтому я и ушел из Назарета.
- Ваше Высокопреподобие, – снова наклонился к уху ключаря отец Филарет, – такие речи нельзя оставить без ответа. Ему нужно возразить.
- Ключарь резко обернулся.
- Я ведь там не был!
- Протоиерей изумленно посмотрел на Его Высокопреподобие.
- Вы хотите сказать...
- Я хочу сказать, что выслушаю этого человека, – ключарь обернулся к седому. – Говорят, ты больных исцеляешь?
- Исцеляю, кого могу.
- А ты смог бы исцелить меня?
- У тебя застарелая подагра.
- Отец Ионафан удивился.
- Откуда ты узнал, что у меня подагра?
- Вижу.
- Как же ты можешь видеть?
- Сердцем.
- Отец Ионафан помолчал, словно на что-то решался и наконец сказал:
- Окажи милость, избавь старика от мучений.
- Протоиерей придвинулся к ключарю вплотную.
- Что вы делаете, Ваше Высокопреподобие! Шарлатан будет лечить высокопоставленное духовное лицо!
- Разве может быть более удобный случай проверить, шарлатан он или нет? – усмехнулся ключарь.
- Патриарх будет недоволен.
- Наоборот, если я разоблачу самозванца, патриарх оценит это! Я в твоём распоряжении, – обратился он к знахарю.

Седой присел, приложил одну руку к колену, другую – с обратной стороны. Он медленно осторожно поглаживал ногу, на какое-то время замирал, затем поглаживал снова. После нескольких минут манипуляций то же самое проделал со второй ногой. Затем выпрямился.

– Присядь! – сказал он.

Старик с недоверием посмотрел на целителя, согнул ноги в коленях. Вопреки ожиданию, более не было, он присел еще глубже. Выпрямившись, снова присел.

– Ну как? – усмехнулся знахарь.

– Меня семь лет лечат врачи и не могут вылечить. А ты это сделал за десять минут!

– Ты бы тоже мог это сделать, – сказал седой.

– Да? – удивился ключарь. – Почему же я этого не умею?

– Не о том думаешь. Не так живешь.

– Вот как! Но я молюсь Богу. Держу посты. Знаю многое наизусть из Священного Писания.

– Если знаешь всю Библию и все изречения мудрецов, что пользы во всем том, когда нет любви и благочестия?

– Ты цитируешь Экклезиаста!

– Нет, я цитирую себя. Можно не знать. Можно не уметь объяснить. Но важно всем сердцем полюбить себя и других.

– Я сам говорю об этом пастве!

– Но слова лишь тогда имеют силу, когда в каждом бьется сердце того, кто говорит!

– Ты хочешь сказать, что я неискренен в своих проповедях?

– Ты повторяешь чужие слова. Ты не выстрадал их. Ты не знаешь им цену!

– А ты выстрадал?

У озера Кинерет я много думал. Там хорошо думается. В безветренную погоду поверхность озера гладкая, словно стекло, и синяя, как утреннее небо. Сядешь на камень и чувствуешь, как его тепло передается тебе. Воздух сухой, прозрачный. Ничто не шелохнется. Выскочит невеста откуда ящерица, уставится на тебя глазками-бусинками, будто о чем-то хочет спросить. Глядя на ящерицу, я впервые понял, что я – такой же, как она. Или она – такая же, как я. У нас одинаковые права в этом мире и одинаковая судьба. Она мне стала так дорога, я испытал к ней такую нежность и сострадание, что если бы мне сказали – отдай свою жизнь, чтобы жила она, я бы не задумываясь отдал! Когда ты это понимаешь, с тобой что-то происходит, ты начинаешь видеть то, что прежде не видел... Начинаешь слышать то, что прежде не слышал... Исчезают претензии к этому миру, откуда-то вливается сила, которую не знал прежде... Все становится простым и понятным.

Огромные, как слоны, двухэтажные автобусы подруливали к Музею изобразительных искусств имени Пушкина. Прибывающие туристы пополняли очередь, хвост которой заканчивался напротив храма. От нечего делать люди наблюдали за толпой у собора. Некоторые пошли полюбопытствовать, что там происходит, да так и остались.

– Я знаю, что там, в самом конце площади, у кафе, стоит женщина, – сказал знахарь. – Она хочет подойти ко мне, но не может решиться. Пропустите ее!

Люди стали расступаться, оглядываясь в сторону кафе. Образовался узкий коридор, в конце которого стояла молодая женщина лет тридцати, с короткой стрижкой, в темно-синем плаще. Оказавшись на виду, женщина растерялась и прижалась спиной к ограде.

– Идите! – говорили ей. – Он зовет вас.

Женщина робко двинулась по коридору, подошла к знахарю, смущенно посмотрела на него и вокруг.

– Ты хочешь родить? – спросил седой.

– Да, – едва слышно произнесла она. – Но... не могу.

– Подойди ближе.

Знахарь взял руки женщины в свои.

– Смотри мне в глаза! – приказал он.

Женщина подняла глаза. Иисус долго смотрел в них. Наконец, улыбнулся, поцеловал руки женщины и бережно опустил.

– Все будет хорошо! – сказал он.

Женщина прижала руки к груди.

– Правда?

– Правда, – улыбнулся седой.

Ключарь взял руку знахаря, снял перчатку, дотронулся до шрама, снял вторую, прикоснулся к страшной отметине между синими прожилками. Старик поднял глаза, впился взглядом в целителя. Он разглядывал его так, как исследователь рассматривает ветхую рукопись – букву за буквой, слово за словом... Затем тихо выдохнул:

– Ты...

– Я так изменился? – усмехнулся знахарь.

– Тогда ты едва дышал...

– Я же говорил, что приду.

– Да-да, говорил...

Его Высокопреподобие растерялся.

– Господи, это случилось!

Отец Ионафан обернулся к свите.

– Принесите таз, кувшин с теплой водой и два стульчика!

– Что вы задумали, Ваше Высокопреподобие? – забеспокоился отец Филарет.

Ключарь не ответил. Мысли его были слишком далеки от осторожного протодиакона.

– Где ты был все эти годы? – спросил он Йешуа.

– На земле так много мест, где много греха!

– Люди узнавали тебя?

– Нет. Говорили, что я самозванец. Иногда били. Видишь этот шрам?

Йешуа указал на белую линию от левой брови до виска.

– А в Китае два года меня держали в холодном сыром подвале вместе с крысами.

– И ты не мог уйти?! – удивился отец Ионафан.

– Я не мог бросить человека, который сидел со мной в одной камере. Когда он умер, я ушел.

Толпа расступилась, пропустив молодого диакона, принесшего эмалированный таз, два раскладных стульчика, кувшин с теплой водой и махровое полотенце.

– Как просили, Ваше Высокопреподобие!

Ключарь разложил стульчик.

– Садись, сынок! – сказал он.

– Не надо, преподобный! – возразил Йешуа. – Я не привык к этому.

– Садись! – повторил ключарь. – Это нужно всем нам.

Йешуа сел на стульчик. Протоиерей тоже сел, расшнуровал кроссовки Йешуа, снял их, стянул несвежие белые носки, завернул штанины джинсов. Стоявшие рядом увидели худые бледные ноги, покрытые волосами. Старик налил в таз воду, опустил в него ноги Йешуа.

– У него на ногах нет шрамов! – заметил протоиерей Филарет.

– И не должно быть! – отозвался ключарь. – Ноги ему не прибавали.

– Но говорят...

Отец Ионафан потрогал черный ноготь.

– Ты его повредил в детстве?

– Лошадь наступила.

Ключарь неспешно омыл ноги мужчины, тщательно вытер, обул.

По толпе разнеслось:

- Признал! Его Высокопреподобие признал!
- Омыл ноги!
- Слава Иисусу!
- Наконец-то!
- Что теперь будет!

Потрясенный народ растерянно крестился, еще не до конца уверенный, что седой мужчина в куртке действительно Иисус Христос.

Патриарх недоволен

В социальных сетях появились сообщения о том, что в Москве, у кафедрального собора, появился нищий, выдающий себя за Иисуса Христа. Лечит неизлечимо больных и рассуждает о Церкви как еретик. Когда проводит лечение, снимает хлопчатобумажные перчатки, в которых находится постоянно, и люди обращают внимание: на запястьях, в тех местах, в которые Иисусу вбивали гвозди, видны белые шрамы величиной с десятикопеечную монету. На пятый день после появления у собора странного нищего к нему вышел ключарь храма. После долгой беседы протоиерей попросил излечить его от подагры, которой страдал много лет. Незнакомец совершил какие-то манипуляции и вылечил священника. Судя по разговору между ключарем и нищим, они знали друг друга. Трудно поверить в то, что лицо столь высокого церковного сана – соучастник удивительных фокусов. Однако диалог между ними заставляет задуматься. Протоиерей долго всматривался в лицо пришельца, а затем сказал: «Ты...». «Я так изменился?» – спросил знахарь. «Тогда ты едва дышал», – сказал ключарь. «Я же говорил, что приду», – сказал целитель. «Да – да, говорил...» – растерянно произнес протоиерей.

Люди ломают голову над этим странным диалогом, подозревая, что протоиерей и нищий в сговоре.

Соцсети публиковали снимки толпы и нищего. Наибольший интерес вызвали фотографии, на которых протоиерей омывал ноги мужчине в армейской куртке.

На сообщения обрушилась лавина комментариев – насмешливых, ироничных, язвительных. Ни одно из зарубежных изданий не заинтересовалось информацией, распространенной в соцсетях. Только русскоязычная газета, издающаяся в Нью-Йорке, поместила короткую заметку под рубрикой «Забавное» с комментарием: дескать, в России на фоне растущей нищеты и социальной напряженности снова наблюдается всплеск безумия.

Патриарх просмотрел последнюю распечатку сообщений в социальных сетях, положил бумаги на столик, встал, прошелся по комнате, остановился у висевшего на стене ковра с изображением положения Христа во гроб. Протоиерей Филарет терпеливо наблюдал за Его Святейшеством, готовый в любую минуту ответить, подать, поддержать. Вблизи патриарх не выглядел столь монументально, каким казался на публике. Тем более, сейчас патриарх был без головного убора. Мало кому доводилось видеть лысеющего главу Церкви – голова его всегда была прикрыта то камилавкой, то клобуком, то митрой. Окладистая седая борода придавала лицу Патриарха вид благодушный, расслабленный, домашний. Казалось, в комнату вот-вот вбегут внуки, старик подхватит их на руки, начнет тискать, повалится на ковры, позволяя ползать по себе и дергать за бороду. Единственное, что мешало представить Его Святейшество в роли доброго дедушки, это его глаза: они смотрели на мир с прищуром, словно буравили. Никто не выдерживал этого взгляда – от него всегда веяло опасностью.

Патриарх вернулся к столику, сел в кресло. Посмотрел на протоиерея. Тот смиренно опустил глаза.

– Вы не голодны, отец Филарет? – справился Патриарх.

– Благодарствую, Ваше Святейшество, час назад оттрапезничал.

– Тогда чай или кофе?

– Если можно, капучино, Ваше Святейшество.

Спустя десять минут на столике под толстым слоем сливок млел капучино.

Протоиерей перекрестился, сделал глоток.

– Так вы говорите, отец Ионафан омыл ноги нищему?

– Да, Ваше Святейшество! Омыл, отер полотенцем и снова обул.

– Отец Филарет, как вы думаете, почему он это сделал?

Патриарх в упор посмотрел на гостя. Тот не смутился, но взгляд опустил.

– Потому что поверил ему!
– Поверил чему?
– Тому, что он – Иисус.
– Как вы думаете, – уточнил патриарх, – почему отец Ионафан поверил в то, что нищий – Иисус?

– Не знаю, Ваше Святейшество, – пожал плечами протоиерей. – Одно могу сказать: нищий произвел на ключаря сильное впечатление!

– Сильное? – переспросил патриарх. – Не тем ли, что излечил его от подагры?

– В сочетании с другими чудесами это несомненно впечатлило Его Высокопреподобие.

Но, мне кажется, дело не в этом. Вернее, не только в этом, Ваше Святейшество.

– А в чем же еще? – живо заинтересовался патриарх. Его глаза еще больше сузились.

– У меня сложилось впечатление, что ключарь когда-то уже встречался с нищим. В какой-то момент он узнал его.

Патриарх взял со стола бумаги, надел очки.

– «Протоиерей долго всматривался в лицо пришельца, а затем сказал: „Ты...“. „Я так изменился?“ – спросил знахарь. „Тогда ты едва дышал...“ – сказал ключарь. „Я же говорил, что приду“, – сказал целитель. „Да – да, говорил...“ – растерянно произнес протоиерей». Все было так, как здесь написано?

– Да, Ваше Святейшество! Все было именно так!

– Очень странно! – воскликнул патриарх.

– Ваше Святейшество, я не сомневаюсь, что этот нищий – мошенник. Но на людей он производит очень сильное впечатление!

– Может, он гипнотизер? – предположил патриарх.

– Нельзя исключать и этого, Ваше Святейшество, – согласился протоиерей. – Но впечатляет то, что прямо на глазах у публики исцеляет неизлечимо больных!

– Фокусник?

– Вряд ли! Он вылечил юношу, с детства страдающего церебральным параличом! Того привезли в кресле-каталке, а после манипуляций нищего юноша встал и пошел.

– Грешно вспоминать мерзопакостный фильм «Праздник Святого Йоргена», но там тоже один проходимец «исцелил» липового калеку.

– Ваше Святейшество, уверяю вас, это не тот случай! Одной вернул зрение, другую излечил от экземы, мужчину избавил от глухоты... Я привожу только те примеры, когда излечение произошло на глазах у людей. А ведь он лечил и болезни, невидимые глазу.

Патриарх погрузился в раздумье.

– А что Вы сами обо всем этом думаете, отец Филарет? – спросил спустя минуты две.

– Затрудняюсь что-либо сказать, Святейший Владыка. С одной стороны, вроде бы фокусник. Но, с другой...

– Что с другой?

– Исходит от него какая-то сила... Ему хочется верить!

– Вот как!

– Простите мою откровенность, Ваше Святейшество, но Вы просили...

– Что вы, что вы, батюшка! Я вам премного благодарен за все то, что Вы мне поведали.

Но скажите, вы ничего странного не замечали в поведении протоиерея Ионафана?

– Что Вы имеете в виду, Святейший Владыка?

– Ну, какие-то необычные высказывания, рассуждения, молитвы?

Протоиерей задумался.

– Нет, Ваше Святейшество, ничего такого не припомню. Хотя... Недели полторы назад он долго писал какое-то письмо...

– От руки?

– Да, от руки. Вложил его в конверт, но среди подготовленной к отправке корреспонденции письма ключаря не оказалось.

– Как интересно! Как вы думаете, кому отец Ионафан мог писать письмо?

– Думал над этим, Ваше Святейшество, но ни к каким выводам не пришел.

Патриарх тяжело поднялся. Вслед за ним встал протодиакон.

– Отец Филарет, – сказал патриарх, – я вам очень признателен за этот разговор. Вы даже не представляете, как важно все, что вы мне рассказали. Я знаю, насколько вы усердны в службе, не сомневаюсь, Господь видит это и в свое время возблагодарит вас за все ваши богоугодные дела.

– Благословите, Ваше Святейшество!

Протодиакон сложил руки, патриарх положил на них свою.

Отец Филарет прикоснулся губами к сухой, покрытой пигментными пятнами руке главы Церкви.

Как только протодиакон скрылся за дверью, патриарх снова прошелся по комнате и остановился у ковра со сценой положения Христа во гроб. Кроме протодиакона Филарета, он получал сведения о происходящем у храма и от других священников. Их рассказы мало чем отличались друг от друга. Но главное, на что обратил внимание патриарх, – это личное восприятие рассказчиками происходящего. Притом, что они подозревали в нищем ловкого мошенника, все как один отмечали необъяснимую силу, исходившую от знахаря. Достаточно было взглянуть тому в глаза, говорили они, как возникало желание подчиниться, идти за ним, сделать все, что прикажет. Возможно, поэтому рассказы информаторов были крайне осторожными, корректными по отношению к нищему. Это не укрылось от пронизательного патриарха. Складывалось впечатление, что на всякий случай они старались не гневить его.

Каждая клетка пастыря миллионов чувствовала надвигающуюся опасность. У кафедрального собора зарождалось нечто, что обещало крупные неприятности.

Патриарх вызвал секретаря, попросил соединить с Его Высокопреподобием отцом Ионафаном.

– Добрый день, отец протоиерей! – поприветствовал ключаря патриарх. Он вложил в свой голос как можно больше добросердечности и тепла. Но в мире священников хорошо знали: чем больше добросердечия и тепла в голосе Его Святейшества, тем больше неприятностей от него стоит ожидать.

Отец Ионафан подобрался и так же любезно ответил:

– Благословите, Ваше Святейшество! Что заставило Святейшего Патриарха обратить взор на мое недостойнство?

– Хочу пригласить вас к себе, отец Ионафан. Есть, о чем поговорить.

– Непременно буду, Святейший Отец! Я и сам собирался просить вас об аудиенции.

– Вот и отлично! Жду вас через два часа.

Ключарь положил трубку. Он догадывался, зачем патриарх вызывает его: Его Святейшеству уже наверняка донесли, что он омыл ноги нищему, признав того Иисусом. Протоиерей осознавал, что за этот поступок его могут лишить сана. Но это не тревожило его. После того, как Иисус и он узнали друг друга, отец Ионафан ощутил легкость в теле, его сознание прояснилось, сомнения, владевшие им, отпали, его дорога стала понятна, светла и торжественна. То, что он омыл ноги именно помазаннику Божьему, не вызывало у него ни малейшего сомнения. Он сделал это в глубоком убеждении, с великой радостью. Отец Ионафан чувствовал: начиная с того самого момента, как стал свидетелем казни Христа, он переместился в какое-то иное состояние, откуда земные проблемы видятся иначе, чем прежде. Все стало измеряться иной системой координат, в которой даже смерть не воспринимается как трагедия. В силу произошедших в нем изменений уже никто не смог бы его убедить в том, что нищий – просто нищий, а не Мессия. С этим убеждением он и готов был предстать пред Его Святейшеством.

Вечером, без пяти минут девять, ключарь вошел в кабинет патриарха, утопавший в коврах, сверкавший позолотой и паркетом, по которому словно растеклось само солнце.

Его Святейшество вышел навстречу протоиерею, благословил.

– Как себя чувствуете, Ваше Высокопреподобие? – поинтересовался патриарх.

– Спасибо, Ваше Святейшество, – ответил ключарь, – намного лучше.

Хозяин кабинета пригласил гостя вглубь комнаты, в мягкие кресла с обивкой золотистого цвета.

– Слышал, вас мучила подагра, – сказал Патриарх, глаза его сузились.

– Мучила, Ваше Святейшество, – простодушно ответил протоиерей. – Но теперь не мучает.

– Вот как? А говорят, у нас медицина плохая!

– Нет, Ваше Святейшество, – возразил ключарь. – Врачи тут ни при чем. Человек один помог. С очень добрым сердцем и золотыми руками.

– Который называет себя Иисусом? – выпустил первую стрелу Патриарх.

– Вы, я вижу, все знаете, Ваше Святейшество. Именно так он себя называет.

– И что, люди верят?

– Не все. Но многие верят.

Патриарх еще больше прищурился.

– А вы, отец Ионафан?

– И я, Ваше Святейшество, – сказал ключарь.

– Вот как! – вскинул брови Патриарх, глаза его распахнулись. – Что же заставило вас поверить?

– Он исцеляет хворых.

– И все?

– Он исцеляет хворых просто так, даром. Так же, как это делал Иисус.

– Вероятно, он очень хороший знахарь.

– Нет, Ваше Святейшество. Никакой знахарь не может на глазах сотен людей исцелить парализованного юношу, избавить от рака женщину, слепого сделать зрячим... Меня он избавил от подагры.

– Он, видимо, талантливый знахарь, ловкий фокусник плюс незаурядный экстрасенс.

– Вначале я тоже так думал.

– Мне очень жаль, что какой-то проходимец так легко ввел в заблуждение вас, мудрого и зрелого человека.

– Он не проходимец, Святейший Владыка! – резко возразил ключарь.

Патриарх метнул на протоиерея взгляд, от которого, казалось, могла загореться солома.

– Вспомните, отец Ионафан, сколько было на земле всяких чудаков, которые объявляли себя мессией. Все они оказывались банальными самозванцами, иногда – сумасшедшими. Что поделаешь, некоторым весьма впечатлительным натурам кажется, что они пришли в этот мир, чтобы совершенствовать его.

– Это правда, Ваше Святейшество. Но этот – другое дело.

– Почему? Что его отличает от других?

– Его речи.

– Речи? – Патриарх сделал удивленное лицо.

– Да, речи.

– О чем же он говорит?

– О том, что люди должны полюбить друг друга.

– Об этом наши священники каждый день читают проповеди и об этом молятся.

– Истинно так, Ваше Святейшество, – согласился ключарь. – Но он говорит об этом по-другому.

– По-другому? Как же?

– Говорит устами, а на самом деле – сердцем. Он говорит, печалась, страдая. Я не слышал, чтобы так говорили.

– Отец Ионафан, вы знаете, как я уважаю вас, но нельзя же так подпадать под влияние случайного человека. Уверю Вас, если заглянуть в его паспорт, там окажется подмосковная прописка. А если покопаться в биографии, выяснится, что он – несостоявшийся актер. А то и хуже – с судимостью.

– С судимостью?

– Да-да, с судимостью!

– Он действительно был судим, Ваше Святейшество! – сказал ключарь.

– Ну вот видите! Он вам сам об этом сказал?

– Об этом сказано в Священном Писании. Его судил синедрион.

Патриарх застыл от изумления.

– Отец Ионафан, я беспокоюсь о вашем здоровье! Хорошо ли вы себя чувствуете?

– Слава Создателю, я в полном порядке! Более того, я никогда не чувствовал себя так хорошо, как сейчас.

– Эк он вас зацепил, батенька!

Патриарх позвонил в колокольчик. Тихо, словно тень, вошел секретарь.

– Чаю! – приказал хозяин кабинета.

– К чаю что-нибудь подать? – осведомился секретарь.

– Трюфеля и печенье!

Когда подали чай, заваренный в чайничке, патриарх потянулся за ним, и ключарь увидел на левой руке Его Святейшества «Брегет». Он вспомнил, какой шум поднялся в средствах массовой информации вокруг этих часов. Там утверждалось, что Патриарх носит часы стоимостью около тридцати тысяч евро. Официальный сайт РПЦ опроверг эту информацию, заявив, что Его Святейшество носит часы отечественного производства. Ключарь увидел, что это была неправда.

– О чем задумались, отец Ионафан? – поинтересовался патриарх, откусив конфету и осторожно отпив горячий напиток.

– Примерно месяц назад мне явилось видение, – сказал ключарь.

– Вот как? Интересно, о чем же?

– Я молился у иконы Христа. Я всегда там молюсь.

– Я знаю.

– Я так погрузился в молитву, что словно оказался в Иерусалиме.

– Вы молитесь сердцем, отец Ионафан!

– Я видел, как все было.

– Вы о чем, батюшка?

– Я видел, как его казнили. Как солдат вколачивал в тело гвозди. Иисус кричал от боли! И даже обмочился.

Ключарь был уверен, что эти слова вызовут немедленный гнев патриарха, но тот промолчал, только исподлобья смотрел на протоиерея, перестав пить чай.

– Очень интересно! – резко сказал он. – И что же дальше?

– Я помню запах его немытого тела...

Протоиерей замолчал.

– Я слушаю, слушаю, – сказал патриарх.

– Святейший Владыка, я обратил внимание, что на большом пальце левой ноги был изуродованный ноготь. Это не были следы пыток, палец был поврежден еще в детстве. Вчера, омывая ноги нищему, я узнал тот изуродованный ноготь!

– У вас очень богатое воображение, отец Ионафан! – воскликнул Патриарх.

– Это еще не все, Святейший Отец! Я стоял рядом с крестом. Когда его подняли, я коснулся ноги Иисуса. Наши глаза встретились. Он мне сказал: «Я приду, ключарь...» Вчера, увидев меня, нищий сказал: «Вот видишь, я пришел, как обещал».

По всему было видно, что рассказ ключаря произвел на патриарха сильное впечатление. Он погладил бороду, поправил панагию.

– К то-то еще слышал это? – спросил он.

– Рядом было много людей.

– Вы полагаете, человек, которому вы омыли ноги, – Иисус?

– Не сомневаюсь, Ваше Святейшество! – уверенно ответил ключарь.

– То, что вы рассказали, чрезвычайно важно, – сказал патриарх. – Чрезвычайно!

– То, во что мы верили и на что надеялись, свершилось, Ваше Святейшество!

Патриарх посмотрел на ключаря, погрузился в свои мысли, стал рассеян.

– Да-да, – сказал он. – Так неожиданно...

– Почему же неожиданно, Святейший Владыка? – удивился ключарь. – Мы ждали этого две тысячи лет!

– То, чего долго ждешь, всегда приходит неожиданно...

– Как нам быть, Ваше Святейшество? – спросил ключарь. – О пришествии надо объявить народу! Это великое событие!

– Конечно, конечно, – рассеянно проговорил патриарх. – Но не будем торопиться. Нужно все взвесить, чтобы не ошибиться и не обмануть христиан, которые нам верят. Вы согласны?

– Да, Ваше Святейшество! Но с этим нельзя тянуть!

– Давайте сделаем так, – собравшись с мыслями, предложил патриарх. – Организуйте мне встречу с ним.

– Он каждый день приходит к храму.

– Всеу свое время, – возразил патриарх. – А если он окажется не тем, за кого себя выдает?

– Жизнью ручаюсь, это он, Ваше Святейшество!

– Я должен быть убежден так же, как вы. Привезите его сюда, в Переделкино. Скажем, завтра, часов в девятнадцать.

Патриарх вскинул левую руку и посмотрел на часы.

– Да, в девятнадцать, – повторил он.

Жареный кролик в вине по-мальтийски

Патриарх был взволнован. То, что ему рассказал ключарь, и то, как он при этом вел себя, говорило, что называвший себя Иисусом действительно не простой человек. Видимо, и в самом деле в нем сошлось много талантов. Но чтобы это был Иисус! Тот самый! Которого распяли! Который воскрес! И обещал прийти! Патриарх не мог в это поверить. Он был убежден: тот, о котором так интересно поведал отец Ионафан, был незаурядным человеком, возможно, с не совсем здоровой психикой. Он не стал бы с ним встречаться, если бы не протоиерей. Ключарь, к которому он испытывал глубокое уважение, человек степенный, взвешенный, поддался прохвосту! Этого не может быть! Но это есть. А, может, протоиерей сам не здоров? Может, настолько погрузился в молитвы, что его стали посещать видения?

Святейший Владыка потерял виски. Столько об этом говорили, столько ждали, и вдруг так просто, буднично, взял и пришел? Пришествию должно сопутствовать нечто значимое, величественное! Сын Бога должен степенно сойти с небес, осеняя людей крестным знамением, недоступный, как царь. А этот, говорят, просил милостыню...

– Они приехали, Ваше Святейшество! – доложил секретарь.

У патриарха кровь прилила к лицу. Он стал лихорадочно думать, как встретить гостя: обнять или вежливо пожать руку? И как к нему обращаться?

Дверь отворилась, на пороге встали двое: ключарь и мужчина в куртке оливкового цвета. Мужчина был худ с заостренными чертами лица. Обращали на себя внимание его глаза: темные, как южная ночь, внимательные и спокойные.

«И это – Иисус?» – подумал Патриарх, уставившись на издававшие виды кроссовки гостя. Он двинулся навстречу вошедшим.

– Здравствуйте, Великий Скиталец! – сказал он. Назвать пришедшего Великим Скитальцем пришло в голову неожиданно и, как показалось патриарху, очень удачно: уважительно, сочувственно, без обещаний. Несмотря на перчатки, мужчина взял руки Иисуса в свои, тепло их сжав.

– Наслышан о ваших добрых делах! – сказал он. – Многие уже молятся о вас.

Нищий пожал плечами.

– Ваше Святейшество, с вашего позволения покину вас, – сказал, как было договорено, ключарь. – У меня здесь дела, я зайду позже.

Патриарх взял гостя под руку и повел вглубь кабинета. Он избрал манеру поведения, по которой невозможно было бы определить, кто из двоих главный. Патриарх держался предельно предупредительно, даже бережно, но в этом можно было уловить поведение врача, который боится огорчить пациента неутешительным диагнозом.

Глава Церкви предложил гостю сесть. Патриарх наблюдал за каждым жестом мужчины. Он ожидал увидеть что-то, что выдавало бы в человеке, называвшего себя Иисусом, значимое, важное, необычное. Но как ни присматривался, ничего необычного в нем не находил. Разве что держался тот независимо и свободно. Словно высокий сан патриарха для него ничего не значил.

Принесли чай. Гость взял чашку двумя руками, как на востоке берут пиалу, сделал несколько глотков.

– Угощайтесь!

Патриарх подвинул хрустальную вазу, полную шоколадных конфет.

– Спасибо! – сказал гость, но к конфетам не притронулся. Он молчал, предоставляя право начать разговор тому, кто его позвал.

– Вы давно в нашем городе? – спросил Патриарх.

– Шестой день, – ответил нищий.

– Издалека?

Гость улыбнулся. Патриарху стало неловко за свою примитивную уловку.

– Издалека, – ответил нищий.

Патриарх не знал, о чем говорить дальше. Ему казалось, гость видит его насквозь, и оттого он чувствовал себя неуютно.

– Говорят, Вы многих уже исцелили.

– Больных слишком много, а сил моих на всех не хватает, – просто ответил нищий.

– Вы делаете то, что не могут врачи! – восхищенно заметил патриарх.

– К сожалению, и я не все могу.

– Странно это слышать из уст такого человека, как вы, – осторожно подвинулся к опасной теме Святейший Владыка.

– Что вы имеете в виду? – спросил нищий.

– Вы ведь называете себя Мессией, – еще более осторожно произнес патриарх.

– Я никогда не называл себя Мессией, – ответил знахарь.

– Вот как! Но вы таким себя считаете?

– Я никогда не считал себя Мессией.

– А кем же вы себя считаете?

– Сыном Человеческим!

Возникла долгая пауза. Сбитый с толку Патриарх не знал, как продолжить разговор.

– Спрашивайте, – сказал знахарь. – У вас ко мне много вопросов.

От этих слов Патриарху стало легче. Он вдруг понял, что ни к чему ходить вокруг да около. Действительно, у него есть вопросы и их нужно задать.

– Отец Ионафан говорил, вы встречались в Иерусалиме.

– Это правда, – ответил нищий.

– Он сказал, что видел вас... на кресте.

– Мне стыдно перед ним.

– Почему? – удивился Патриарх.

– Он видел, как меня распинали.

– И что?

Нищий поставил чашку на стол.

– Когда в тебя вбивают гвозди, это очень больно. Я кричал.

– Да?!

– Я висел совершенно голый перед толпой. Это очень стыдно, даже когда у тебя нет сил ни на какие чувства.

– Голый?

Глаза патриарха расширились.

– А вы не знали? Всех, кого распинали, раздевали донага.

Поверить в то, что человек, сидевший напротив, был именно тем, на чьей смерти поднялось христианство, не хватало ни воображения, ни веры.

– Простите, Вы в перчатках, чтобы скрыть шрамы? – поинтересовался хозяин кабинета.

– Да.

Патриарх хотел попросить снять перчатки, но посчитал неловким обращаться с такой просьбой. Нищий сделал это сам. На тыльной стороне кистей патриарх увидел неровные белые пятна, снова взглянул на нищего. В его поведении не было ни бравады, ни вызова.

– Вы действительно виделись с отцом Ионафаном в Иерусалиме? – спросил патриарх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.